

КРОКОДИЛ

ЦЕНА
15
КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

№ 556

9
ДЕВЯТЫЙ ГОД
НОМЕР 17
ИЮНЬ 1930
МОСКВА

Рис. М. Черемных

ИГРА ПРИРОДЫ

— Что за чужь?! В самый разгар лета — и вдруг такой мороз?!
— Ничего удивительного! Летом работники жарятся — а работа замерзает.

— А, еще один! Сейчас я тебя, голубчика, зарегистрирую.

ФАБРИКА ИСТОРИИ

ВЫ ВИДЕЛИ наши новые сталелитейные заводы, видели новые электростанции, видели гиганты-совхозы — фабрики хлеба... А теперь мы подходим к самой главной фабрике, к сердцу и мозгу нашего строительства. Мы подходим к фабрике, на которой делается история!

— Да разве история делается на фабрике?

— Она, собственно, везде делается... И на фабриках, и на полях, и в учреждениях, и в городах, и в деревне. Но сейчас речь идет о важнейшей центральной фабрике, фабрике с наиболее мощной энергетикой, фабрике, которая заряжает энергией все остальное производство...

— Виноват, я перебыю... Как она называется?

— Называется она ВКП(б).

— А как она работает?

— Да вот, смотрите сами... подойдите поближе!

— Удивительная четкость и бесперебойность! А сколько людей здесь работает?

— Около полутора миллиона.

— Ого! И все, насколько я могу окинуть глазом, работают в такт, одним тоном, как один организм! Впрочем, нет... Позвольте... Вон там, слева, маленькая кучка чего-то шумит и суетится. Что там такое?

— А! Ну, это уже за пределами фабрики. Группочка деклассированных, вышедших из рядов... А их места, как вы видите, сейчас заполнились другими, настоящими рабочими.

— А там, справа?.. Что это? Почему там какие-то люди ползают, барахтаются, сползают вниз?.. Какая-нибудь авария?

— Никакой аварии. История, как видите, строится и полным ходом идет вперед. А эти люди попытались остановить маховик и повернуть его в обратную сторону. Ну, их и повернуло... тоже в сторону. Под откос — и в болото!

— Вот чудачки!

— Нет, не совсем чудачки. Народ опасный и хитрый. Если бы не стойкость и зоркость всех остальных, если бы не могучая энергия, которой заряжена фабрика, то они могли бы наделать много вреда...

— Да, кстати, каким видом энергии называется эта фабрика?

— Самой мощной в мире и неисчерпаемой энергией: концентрированной волей миллионных масс! Вот, сейчас наступает момент величайшего исторического значения; эта воля еще сильнее концентрируется, сгущается, напрягается... Вот! Закладывается новая дата, начинается новый этап всемирной истории. Вы видите ряд пройденных этапов, ряд узловых исторических станций, созданных все тем же могучим волевым напряжением? XIII, XIV, XV? Видите, вон, впереди, контуры социализма?.. Видите, как быстро и прямо прокладывается к нему путь истории?.. И вот сейчас...

— Что это? Новый этап? Вон, где кладутся новые скрепы... Вон впереди пятнадцатого, много впереди четырнадцатого?

— Да... шестнадцатый съезд!

Грамен.

ЛЕТНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

ИЮНЬ. Надо мною — развесистый клен.

Но занят мой ум аппаратом...
Как жаль, что я совбюрокротом рожден,
Да, сов, а не профбюрокротом!..
В мозгу — канцелярия, подпись, печать
И груды бумаг исходящих...
Ах, если бы профбюрокротом мне стать,
Насколько б я жил тогда слаще!..
Конечно, я б не был врагом директив...
Нет, все их приняв к руководству,
Я вмиг повернулся б, горяч и ретив,
Открытым лицом к производству!
И в этой бы позе, замурив глаза,
Дремал бы весь день, — не по КЗОТ'у!
Лишь изредка руку приподнял бы «за»
И вновь погрузился б в дремоту...
Шумел надо мною бы развесистый клен,
Дышали б цветы ароматом...
Как жаль, что я совбюрокротом рожден,
Да, сов, а не профбюрокротом!..

Беспартийный Савелий Октябрев.

СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, ПРАВДА...

(В деревне)

— И еще говорят, что шефы к нам не ГОРЯЧО относятся! Третий ПЛАМЕННЫЙ привет от них получаем!

„КРОКОДИЛ“ НА ПРОГУЛКЕ

ЛОЖКА ДЕГТЮ

ДВАДЦАТЬ седьмого мая был большой праздник у ивановцев — 25-летие знаменитой стачки текстилей. Ивановским рабочим памятен этот день. У многих на всю жизнь остались рубцы от казацких нагаек.

Неудивительно, что в этот день на Талку — историческое место первых рабочих собраний — высыпал чуть не весь город.

Организаторы праздника, кажется, предусмотрели все. И буфет, и напитки, и скорую помощь. Об одной только мелочи не догадались. Сделали только одну трибуну для выступлений. Огородили ее веревкой. Внутри барьера поместили оркестры и физкультурников. В сущности до этой небольшой группки и доходили речи с трибуны. За барьером даже в первых рядах ничего не было слышно.

Был, правда, микрофон, но повешанные наскоро громкоговорители хрипели, как простуженные. А в рабочих квартирах, куда передавались речи по радио, было пусто.

Так и не услышали ивановцы, что говорили ораторы с трибуны.

Маленькая неувязка, а легла кляксой на большом празднике.

И В ВОЛОКИТЕ НУЖНЫ ТЕМПЫ

Сталинградское окрфо получило из НКФ 9.000 бланков-требований на выдачу канцелярских принадлежностей.

В сущности в окрфо сидит народ простой, без затей. Обходились они до сих пор без всяких бланков. Но раз уже осчастливил Наркомфин, надо использовать. Расходится бланков от силы штук десять в месяц. Иначе говоря, бланков, слава те Наркомфине, хватит на 75 лет!

Вот это так темпы! Кто другой умудрится, при таком бумажном кризисе полагающуюся на 75 лет волокиту выполнить в один год?

ПО ЗНАТОКАМ И ТОВАР

Рис. К. Ротова

В одном из украинских кооперативов головотяпы закупили красных немецких коров, которые после дождя слиняли и оказались обыкновенными буренками.

— Вот досада, ростом я не вышла. Туфли, что ли, на французских каблуках купить?
— Напрасно беспокоитесь, гражданочка. Эти дураки и так купят.

— А что, если на наше совещание по качеству потребителя пригласить?
 — Что вы, с ума сошли! Ведь он так шумит. Работе будет мешать.

ДВА СПЕЦИАЛИСТА

Я ЛЕЖАЛ на верхней полке жесткого вагона и слушал, как спорили внизу два пассажира о преимуществах своих профессий.

Один из них, толстый, меднолицый, с бритой головой, говорил авторитетно с полным сознанием своего профессионального превосходства, а другой — худощавый, с чеховской бородкой, возражал неуверенно, чувствуя явную слабость своей позиции.

Первым был повар, а вторым — врач.

— Я не спорю — басил повар, — у вас тоже кухня: латинская, но супротив нашей французской, например, она много слабже. Ну, что у вас? Хина там, касторка, облатки рязные, капли. Не кушанье — мираж! А возьмите соус супрем Жу-апвиали! Пальчики оближете! Здесь тебе не одна наука, а скус надо иметь...

— Да, но малейшая ошибка в рецептуре может привести к тяжелым последствиям для пациента, — защищался врач. — Вопрос часто у нас идет о жизни и смерти человека.

— Пожалуйста, — усмехнулся снисходительно повар, — и в нашем деле бывает подобным камуфлетов сколько угодно. Служил я в Боброве, в трактире «Ливадия». Не доводилось бывать?

— В Боброве никогда не был...

— Жаль! А то у нас в «Ливадии» два барышника умерли от горошка. Заказали это они ветчину с горошком. Подали им ветчину, — скандал. Почему, дескать, горошек не зеленый, а неизвестного цвета? Отослали на кухню. Старший повар, Матвей Сергеевич, говорит: «Сейчас будет зеленый». Положил обратно в кастрюлю, бросил туда два медных пятака и сварил. Ну, горошек и завелел. Барышники две порции сели и скончались. А вы говорите — рецепт!

— Разумеется, и в вашем деле нужны знания, но ведь мы долгие годы учились, чтобы определять, кому что требуется...

— Ерунда. Вашему больному какую дрянь ни дай — все проглотит. Да еще спасибо скажет. Что зря говорить! Кого хочешь можешь спросить — повар завсегда повыше доктора!

— Это хорошо, что вы высоко цените свою профессию, но в данном случае вы ошибаетесь!

— Новое дело! Не я ценю свою профессию, умные люди ценят. Пожалуйста, — я докажу вполне официально.

Повар достал из бокового кармана бумажник, нашел среди червонцев вырезку из томской газеты «Красное знамя» и подал ее врачу.

— Вот, будьте любезны, читайте!

В объявлении значилось:

Окрстрраккасса приглашает на работу в дом отдыха «Басандайка»:

- 1) врача на оклад 125 руб. в месяц;
- 2) сестру (помощника врача) на оклад 40 р. в месяц;
- 3) повара на оклад 130 руб. в месяц.

Врач прочитал и сконфузился.

— То-то и оно! — победоносно заключил повар, — понимающие люди зря платить деньги не станут!

Б. Самсонов.

НЕПОНЯТЫЙ ЭНТУЗИАСТ

Т РАМВАЙ был обвешан целыми гроздьями созревших штрафов, но милиционер почему-то раздраженно отвернулся, сделав вид, что не замечает заманчивых рублевых плодов.

У него кончилась книжка штрафных квитанций, и только благодаря этой случайности мне удалось разговаривать с гражданином, висевшим на ступеньку ниже меня.

— Товарищ! — взмолился он. — Вы уже пять минут стоите на моей ноге, — я больше не могу!..

— На автомобилях ездите, если такой нежный! — сурово отрезал я, еще сильнее надавливая на гражданский мозоль.

— Святые слова, молодой человек! — крикнул он, корчась от боли, — вы это им скажите... Я сам предпочитал пользоваться автомобилем, а они нашли это излишней роскошью...

Он кивнул на здание контрольной комиссии, мимо которого мы проезжали. Львы с подезда проводили моего неожиданного собеседника весьма неодобрительным взглядом.

Висящие гроздья к этому времени поступили уже по конвейеру в давальное отделение. Мы оказались втиснутыми на площадку и через три остановки беседовали, как закадычные друзья.

— Да, так на чем мы остановились?.. Лишили меня, понимаете, автомобиля и глазное, за что... Вы знаете, как теперь трудно работать по строительной части. Проекты запаздывают, стройматериалов нехватает, рабочая сила на вес платины...

— Начинаются уже ссылки на объективные условия, — взвнул я.

— Нет, наоборот... Я хочу сказать, что для меня всех этих препятствий точно не существовало. Я — настоящий энтузиаст строительства. Там, где на всех стройках были «узкие места», у меня материалы текли широкой рекой. План был проработан до мельчайших деталей с самого начала работ, а строительство, не забудьте, не простенькое — тяп-ляп... Ка-пи-тальная стройка...

Я медленно начинал проникаться уважением к собеседнику.

— Кричат у нас насчет рабских темпов, волокиты и всяких невязок... Моя кипучая энергия преодолела все!.. И такого работника снимают...

— Себестоимость, что ли, получилась очень высокая? — допытывался я.

— На много ниже сметы! — торжествующе захихикал энтузиаст.

— Ничего в таком случае не понимаю.

— И понимать нечего... — вздохнул он. — Не ценят у нас настоящих работников, вот и все...

Выглянув в окно, он издал какой-то воинственный клич и ринулся к выходу, ударно работая локтями.

10 ЗАПОВЕДЕЙ ИДУЩЕГО НА ЧИСТКУ

1. Язык твой — друг твой.
2. В заключительном слове не стесняйся: на то оно и заключительное. Своди все к личным счетам.
3. Перечисляя своих подпольных товарищей, не упоминай Маркса, — он умер задолго до твоего рождения.
4. Помни о римских гусях и не выезжай на родителей.
5. Умей во время понижать голос.
6. Рассказывая свою биографию, не хвастайся. Скромность украшает не только институток.
7. Идя на чистку, не берись за политграмоту: чего не наелся, того не налжешься.
8. Просидев гражданскую войну в подвале своего дома, не говори, что у тебя подпольный стаж.
9. Опровергай!
10. Еще раз скажу: язык твой — друг твой.

Порфирий Октябрьев

— Заболтался я с вами... Чуть свою остановку не проехал... Заезжайте как-нибудь посмотреть на стройку, на которую я ухлопал столько энергии и здоровья...

— Адрес дайте!..

— Запишите... Серебряный Бор, проспект Карла Маркса... Собственная дача!.. Новый дом. Там каждая собака знает! Пальчики оближете! Сплошное достижение! Ка-пи-тальная постройка!.. Ну пока!

Последние слова «строителя социализма в одной даче» были заглушены сердитым грохотом трамвайных тормозов.

И. Амский.

О ТАБАЧНИЦЕ ДЛЯ НЕКУРЯЩИХ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЕ

Е СЛИ ВЫ тоскуете по вниманию и заботе, поезжайте на Максимовский рудник к тамошним кооператорам. До чего внимательны, до чего заботливы, — слеза умиления прошибает.

Зайдете вы к ним в магазин «Горняк» и спросите:

— Покажите мне, товарищи, хромовые сапоги. Ни минуты не медля, приволокут вам сапоги, а вместе с ними и рукавицы кожаные.

— Мне не нужно рукавиц, — объясняете вы, — мне одни сапоги.

— Так не продаем. Не можем допустить, чтобы наш покупатель без рукавиц ходил. А если он своей пользы не понимает, пусть и без сапог гуляет. Ему же хуже...

Прискакал как-то мальчонка:

— Маманька наказала мыла «Пионер» купить! Заботливые люди ему не только мыло, но и табачницу подают.

— Да маманька не курит, а тятка прошлый год помер.

— Ничего не значит. Сам годков через пяток подрастешь, закуришь.

— Мне деньги только на мыло дадены. И то у соседки мамка заняла.

— Пусть и на табачницу призащмет, — не отказывают в добром совете кооператоры.

Так и ускакал мальчонка ни с чем.

За подошвенной кожей придешь, в придачу гнилую дратву заставляют брать.

— Да зачем она мне, гнилая?..

— Хорошую у нас и так возьмут...

Пришел недавно рабочий за ламповым стеклом. А ему вместе со стеклом и лампу суют.

— Да есть у меня лампа!..

— Две будет. От запаса голова не болит... Спросили как-то этих милых людей:

— У вас никак принудительный ассортимент?

Широко раскрыли кооператоры невинные глаза свои, поглядели с изумлением на непонятливого человека и, кротко улыбувшись, ответили:

— Что вы, что вы! Да разве ж мы принуждаем? Ничуть не бывало даже. Не хочешь лампы, не бери и стекла, только и всего. Вольному воля. Никакого тут принуждения нет...

М. А.

ПАРНИ, пользуясь днем отдыха, беззаботно лежали на кроватях, из вежливости и культурности положили ноги на спинки. Один был длинен, белокрыс и мечтателен. Другой — черняв, коренаст и решителен.

С деликатной и непревзойденной ловкостью чернявый выплюнул окуроч в дальний угол комнаты, зевнул, потянулся, заставив хрустнуть не только тело, но и всю кровать, плюнул дополнительно в угол и мрачно утвердил:

— Насчет культурной революции — трепотня одна!

— Не скажи, Коля! Прямо говорю — не скажи. Тут не трепотня, Коля, а горизонты и перспективы. Конечно, надо плановый подход и единообразие в работе! Возьмем строительство. Если правильно подойти да по предварительно разработанному культурному плану строить, — мы в два года превратили бы...

— Превратили бы, держи карман кверху дном! Ничего не превратили бы, потому что трепотня и ничего больше! Разве это революция? Революцию, браток, в перчатках не делают, тем более — культурную! Тут надо — во!

И чернявый Коля показал кулак, похожий на свинчатку.

— Нет, Коля! Тут и без этого можно было бы. Но строить по плану. Как буржуй жил? У буржуя была спальня, кабинет, столовая, гостиная, зал и детская. Вот это и нам надо, но в диалектическом развитии: все общее. Ну, конечно, общая кухня, общая ванна. Вот и строится семитажный дом: первый этаж — ванна (кухня в подвальном помещении). Второй этаж — детская, третий этаж — спальня, четвертый — кабинет, пятый — гостиная, шестой — столовая и седьмой — зал. Вот и все! Но только, что не все так строят...

— Я и говорю — трепотня! А вот приказать бы строить только так — и basta. А кто иначе строит — под суд!

— Да. И были бы дома-коммуны. Утром — вставать всем в шесть часов. Потом ванна и гимнастика для всех. Затем — которые на работу, а которые по домашнему хозяйству. Пришли с работы — обедать. Пообедали — в гостиную: отдыхать, культурные разговоры вести, новости сообщать. Потом — чай. После чая — все в зал. Там тебе или кино, или вечер самодеятельности, или театр. И в десять часов всем спать. Вот это культурная революция и есть! Ну, конечно, самоуправление всякое и прочее!

Коля треснул кулаком по стене:

— Опять трепотня! Какое к дьяволу самоуправление? Уложишь ты их, чертей некультурных, в десять часов спать, как же! И шляться будут, и шептаться будут, и читать будут. Тут надо не так: в десять часов комендант тушит свет во всем доме, а спальню запирает снаружи. Второе: иная некультурная свинья воды, как огня, боится, — загонишь ты его в ванну самоуправлением, как же! Тут надо изобрести такое, чтобы в шесть часов утра прямо механически всех прямо из спальни с коек сваливать в ванну. Тут, браток, проснешься! После утреннего чаю всех выстраивать — которые на работу, которые по домашнему хозяйству. И под командой гнать на работу, а то мало ли их, прогульщиков, будет. И с работы под ответственностью старших командами пригонять, — нечего по городу шляться! Потом опять-таки остальное время по трубе сгонять в назначенную комнату, а остальных — на замке держать! Да и в гостиную-то языками трепать особенно незачем. Либо тему для беседы задавать, либо в вопросы-ответы играть. А так — разведут сплетни, не хуже, чем в хвостах, знаю я их!

— Н-да, Коля... Так-то, конечно, вернее...

— То-то и есть, что вернее. Эх, тебя бы — строителем, а меня бы комендантом. Выстроил бы ты мне отдельную квартирку комнатки в две-три с ванной и газом. Ну, конечно, комнату для домработницы маленькую, — я бы их управлял, у меня коммуна была бы на ять!

— А если ты отдельное жил бы, кто же за ними смотрел?

— Я же! Утром, конечно, часовой механизм, вроде будильника, чтобы в ванны выворачивать. А там дальше, до обеда — десятские и сотские бы работали. Ко мне с рапортом и ключи носили бы от комнат. К обеду я сам бы подходил, ну, в гостиную наблюдал бы и в кино с ними. А потом заперал бы в спальне — и домой.

Белокрысый сделал попытку встать с кровати.

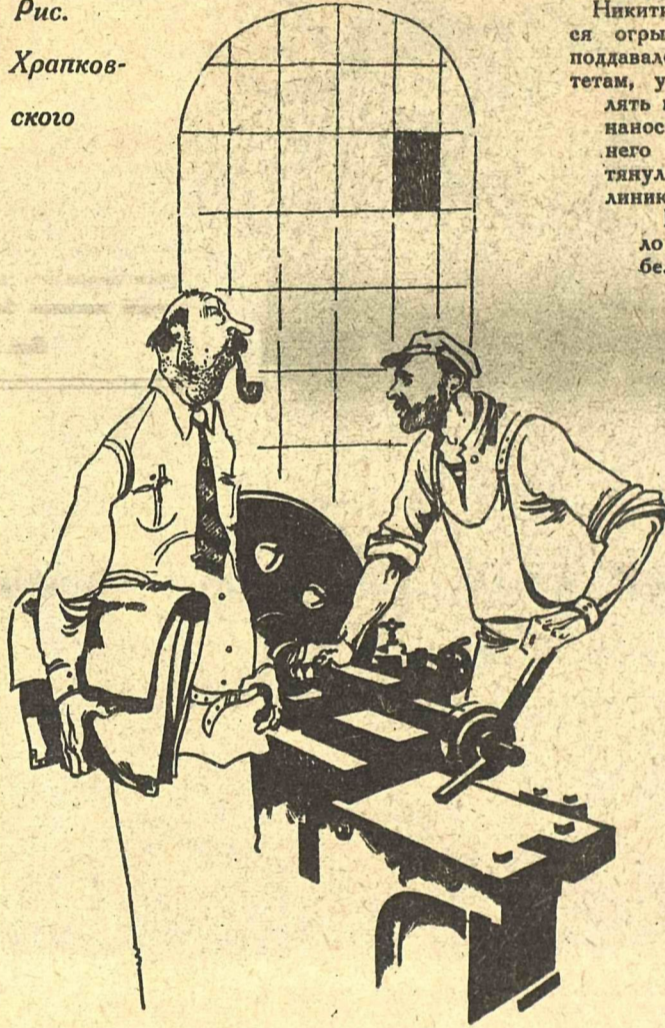
— Ты куда собрался?

— Да в клуб... Нынче там доклад о задачах культурного похода...

— Брось. Трепотня одна. Лежи, раз день отдыха...

Вл. Павлов.

Рис.
М. Храпковского

РАБОЧИЙ (профбюрократу): — Ты что же промфинплан до станка не доводишь?

— Некогда, брат. Я еще „об лицом к производству“ все думаю.

ВЕРХ БЮРОКРАТИЗМА

— Эх, чорт! Смазку изобрел — и ту затерли.

ДЕЛО — ТАБАК

(В цехе)

— Дорогие папироски куришь?

— Очень! Десяток моих папирос государству в полдня простоя обходится.

В ТОЧКУ

— А нас на чистую воду вывели!

— Ну?

— Ей-богу! Водопровод провели!

КТО ПРО ЧТО

— Сеня! Прочти-ка ты мне «Песню о частник... тьфу, о купце Калашникове!»

СТРОГАЛЬЩИК Никитин, у которого седые волосы ежиком торчат, был выдвинут на пост заведующего коммунальным хозяйством после того, как он успешно провел чистку городских советских учреждений.

— Ты смотри, Никитин, — напутствовали рабочие, — городское хозяйство налаживай, бюрократизма не разводи.

— И кумовства тоже!

— В оба посматривай!

По-новому завертелась жизнь Никитина. Его трудовой день обыкновенно начинался с тревожного сообщения из городской бани о прекращении подачи городской водопроводной воды, в полдень приходил брандмейстер, такой маленький дяденька на двенадцать пудов, и требовал пожарные рукава, цирковых лошадей и прибавки жалованья.

— Пожарная лошадь — это животное высокой породы, — доказывал Никитину брандмейстер, — пожарная лошадь должна нохом чувствовать, где пожар. Лето на носу, пожары увеличатся, а лошади у меня простые.

Никитин научился отгрызаться, не поддавался авторитетам, умел отделять главное от наносного, лишнего и крепко тянул советскую линию.

Но это было на службе.

А дома?

Ах, что случилось дома!

Никитин работал на заводе и никогда не знал о существовании родственников, и они его никогда не тревожили, но стоило ему оказаться во главе советского учреждения — и десятки родственников и родственниц нахлынули к нему в дом.

Однажды вечером Анна Павловна, жена Никитина, торжественно объявила мужу о приезде своего брата Ивана Павловича. Никитин посмотрел на гостя и увидел человека в рыжих нафабранных усах с английским пробором.

— Двадцать лет с сестрицей не видался, — слащаво улыбаясь, произнес Иван Павлович.

За ужином Иван Павлович с сестрицей повели наступление на Никитина.

— Обязательно устрой его начальником пожарной команды, — уговаривала жена мужа, — он еще с детства любил играть в пожарные. Устрой, — умоляла она. — Ты заведующий или пешка?!

Иван Павлович пустил в ход все свое красноречие, но ничего не помогало, и, уезжая, он говорил своей сестре:

— Черствый человек твой муж, не мог по-родственному обойтись со мной.

Не успел Никитин отделаться от первого откликнувшегося родственника, как явилась кума Маша. Раненько утром она прилеплась в коммунальный отдел со своими котомками и взрослым сыном с птичьим лицом и расположилась у кабинета Никитина.

— Я сродственница вашему начальнику, — говорила она всем служащим коммунального хозяйства, которые удивленно разглядывали ее.

Едва показался Никитин, кума Маша бросилась Никитину на шею:

— Кум, помоги горю моему.

Когда Никитин пришел в себя, кума Маша вынула большую бумагу с жалобой на сельских комсомольцев, которые не принимают ее сына в комсомол.

— Чем же я могу помочь? Разве я занимаюсь приемом молодых в комсомол?

Кума Маша ничего не хотела и слушать.

— Ты все можешь, ты коммунист, дай ему записку в партию или комсомол, определи сам, куда ему идти.

Число родственников все росло и росло. Приходили со всевозможными просьбами и ходатайствами.

И строгальщик Никитин применял к своим вновь обнаруженным родственникам определенную тактику.

— Устроиться пришел? — говорил Никитин очередному родственнику. — Отчего же, можно. Я всегда могу устроить. А тебе язык всперанто знаком? Не знаешь? Плохо. Вот подучись, а тогда устрой.

А с другими разговаривал так: — Обязательно в Москве хотите устроиться?

— Уж помогите мне устроиться, как близкому родственнику, — упрашивала провинциальная личность.

— Есть у меня для вас хорошее местечко, тепленькое, оклад солидный, командировочные...

— Куда, куда?

— Заведующим анатомическим театром в Москве или у нас смотрителем местного крематория.

Когда товарищи по работе справляются о его войне с родственниками, Никитин говорит:

— Я так давно отвык от своих родственников, что мне трудно к ним привыкнуть.

Д. Куни.

Рис. К. Елисеева

— Что за чорт! Сажали как будто бобы, а взошла ерунда какая-то!

СРУБИТЬ немедленно. Слышишь?!

— Слушаю, товарищ начальник. Только как бы того... чего-нибудь не вышло: нигде до сих пор не рубили...

— Делай, что приказано!

— Будет исполнено, товарищ начальник. А говорю я вообще. Опять же сам в друзьях радио состою.

— Чтобы сегодня же!!

— Сделаю в лучшем виде. Не извольте беспокоиться.

Разговор этот был в полдень. А около 4 часов дня обитатели Ижевска увидели потрясающее зрелище: по крыше одного из домов лезли, неистово громыхая сапогами, несколько милиционеров.

— Стой. — раздалась четкая команда старшего. — Шашки вон!

СЕЧА НА КРЫШЕ

Тускло блеснуло давно нечищенное милиционерское оружие...

— Руби! — гаркнул старшой. — Ать, два!..

Зазвенели удары. Милиционеры старались во-всю. Через минуту все было кончено. Усталые рубаки, вытирая со лба пот, загромыхали по крыше обратно.

... — На каком основании срублена наша антенна, — взволнованно спрашивали в тот же день начальника Ижевского адмтдела, тов. Семанина, председатель ОДР Вотской области тов. Кушин и несколько товарищей из потребсоюза.

Начальник адмтдела был суров и немногоречив.

— Все сделано на основании моего личного распоряжения! — отрубил он. — Не могу допустить.

— Но позвольте, уважаемый товарищ. Вы же сорвали нам антирелигиозную передачу. Вы не предупредили нас ни словом. Больше — вы не возражали несколько против установки мачты. Еще больше — ваши же милиционеры нам усердно помогали. В чем же дело?

— В том, что ваша мачта гудит, — строго заметил тов. Семанин, внушительно приосанясь. — А гуденье может усыпить милиционерскую стражу, охраняющую склады во дворе. А вы знаете, что в складах?

СКОРЕЙ ПОСТАВИМ БАТАРЕИ!

ХОТЬ я не стар и не устал
И порох есть в пороховнице,—
Я все ж задумываться стал
Над недописанной страницей.

Шрапнель острот стремится ввысь,
И фельетонов свищут ядра,
Но с каждым днем упорней мысль
О новых, свежих, бодрых кадрах.

Все шире фронт. И всюду нам
Нужна победа поскорее,
И жадно хочешь тут и там
Скорей поставить батареи.

Здесь, смотришь, — вылазка врагов
Под видом книжицы гуманной.
Там — смолк победный звук шагов,
Прорыв на фронте промфинплана.

Тут обывательский снаряд.
Несет отраву и нелепость,
Там — недобитый бюрократ
Опять свою возводит крепость.

И, как всегда, за рубежом
Плодятся танки и эскадры...
Не мудрено, что как ножом
Пронзает мысль о новых кадрах.

Эй, молодежь! Бери перо,
Склонись над книгой и рейспиной!
Мобилизуй себя на фронт,—
Там ждут поля и ждут машины.

Кипит борьба. И всюду нам
Нужна победа поскорее.
Враги прорвались здесь и там...
Скорей поставим батареи!

Вас. Лебедев-Кумач.

ПРОПАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПАВЛОДАРСКОГО СОЮЗА
КОММУНАЛЬНИКОВ **ДЕНИСОВ**
ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ.
ПРИЕХАЛ В ФЕВРАЛЕ С
ХЛЕБОЗАГОТОВОК, НО С
ТЕХ ПОР ЧЛЕНЫ СОЮЗА
НЕ МОГУТ ЕГО НАЙТИ НИ
ДОМА, НИ В СОЮЗЕ, НИ В
ПИВНОЙ.
ПРИМЕТЫ: ШИРОКОПЛЕ-
ЧИЙ, СРЕДНЕГО РОСТА,
БРЮКИ КЛЕЩ, ГЛАЗА ПЬЯ-
НЫЕ, РОЖА ОПУХШАЯ. О
ПОЯВЛЕНИИ ТАКОГО ГДЕ-
ЛИБО ПРОСЬБА СООБЩИТЬ
В СОЮЗ КОММУНАЛЬНИ-
КОВ, ГОР. ПАВЛОДАР, УЛ.
ИНТЕРНАЦИОНАЛА, № 12.

— Нет, — пролетели ошеломленные друзья радио.

— Что хранится в складах? — спросил тов. Семанин стоявшего на вытяжку старшего.

— Там хранятся снаряды и другие взрывчатые вещественные доказательства, — отчеканил без запинки старшой.

— Вот-с, молодые люди. Слышали? Имейте это в виду на будущее время. И проявляйте вашу дружбу с радио где-нибудь подальше от милиции. Так-то. До свидания. Заходите, когда меня дома не будет.

...«Мы просим пожаловать Семанина «Орденом Крокодила» второй степени», — пишут ижевские друзья радио.

Ну, орден, не орден, а небольшой уютный уголок в «Крокодиле» как-нибудь отведем. Заслужил, старина Семанин.

Мих. Данилов.

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИЙ

(Не совсем невероятная история)

В ЛОНДОНСКИЙ загс пришел представительный, убеленный сединами и украшенный большими усами джентльмен. Поклонившись соответствующему клерку, он спросил: — Не могу ли я переменить свою фамилию, сэр?

— Как вам сказать, сэр...—раздумчиво ответил клерк.—Собственно говоря, почтенному джентльмену должно бы быть известно, что в Англии это не принято. И вообще почтенные джентльмены чаще обращаются в Интеллидженс-Сервис, чем в загс. Но поскольку дело происходит в фельетоне, мы с вами можем пойти на такую вольность. Лишь бы все остальное было правильно, сэр, лишь бы было правильно все остальное!

— Все остальное будет правильно,— заверил клерка джентльмен.— Приступим, сэр, к делу. Моя фамилия — Макдональд. Рамзай Макдональд. По соображениям целесообразности, политических удобств и тому подобным, я желал бы переменить фамилию Макдональд на Болдуин. Надеюсь, препятствий не встретится? Ведь по существу никакой разницы не получается, сэр?

Клерк склонил голову набок, стряхнул с пера лишнюю каплю чернил и сказал:

— Нет, какие же могут быть препятствия? Но—странное совпадение, сэр: только что перед вами ко мне обратился джентльмен, назвавший себя Болдуином, и пожелал переменить свою фамилию на фамилию Макдональд. Вон он, сидит в уголку и тихо грустит, сэр!

— Почему же он грустит? Вы ему отказали? — удивился седовласый джентльмен.

— Почему ж бы я отказал?...—удивился клерк.—Ведь, как вы сами изволили заметить, не получается никакой разницы, решительно никакой разницы, сэр! Нет, сэр, тот джентльмен грустит по другой причине: он уверяет, что его нахально обокрали!

Украшенный большими усами джентльмен сделал сочувственное лицо и спросил:

— Да? И он знает, кто именно его обокрал?

— Знает, сэр,—сказал клерк.—Он определенно называет Рамзая Макдональда, сэр!

Джентльмен повторил:

— Да?... Гм... Боюсь, что тут недоразумение. Его необходимо выяснить.

И, поклонившись грустящему джентльмену, сказал:

— Мистер Болдуин, если не ошибаюсь?

— Ошибаетесь, — ответил грустящий джентльмен: — не Болдуин, а Макдональд, Рамзай Макдональд, к вашим услугам!

Седовласый джентльмен произнес:

— Очень приятно. А моя фамилия—Болдуин. Я, собственно говоря, счел своим долгом выразить вам соболезнование по поводу постигшей вас утраты. У вас, я слышал, что-то украли?

— Политическую программу, — сказал грустящий джентльмен.

— А имя укравшего?

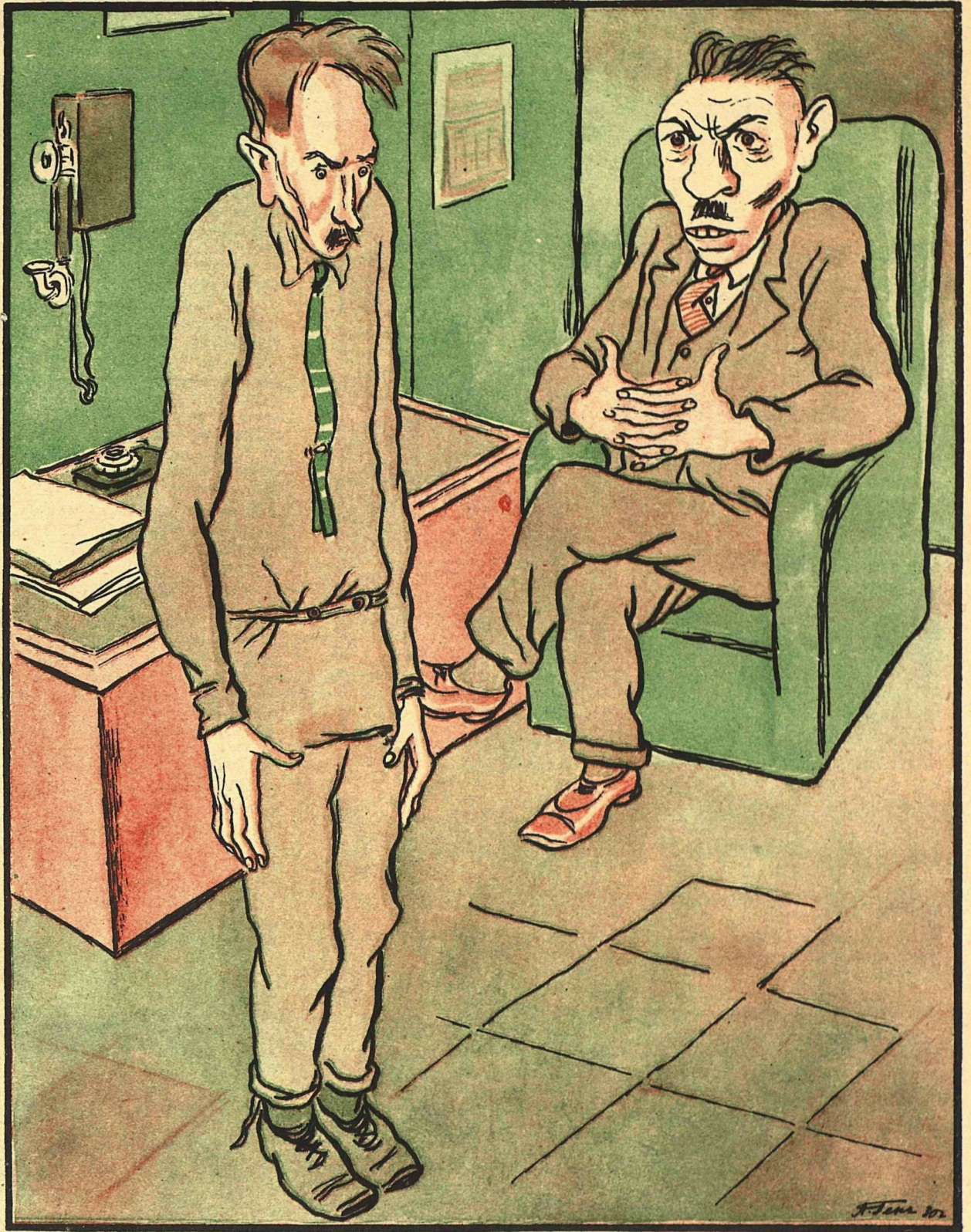
— Макдональд.

Седовласый джентльмен пожал плечами:

— Но позвольте... Ведь Макдональд—это вы? А обокраден, если я не ошибаюсь...

— Болдуин, — докончила грустящий джентльмен.—Вот это-то и заставляет меня недоуменно грустить. Кто же кого, в конце концов, обокрал, сэр: я ли вас, вы ли меня, или мы оба друг друга? Боюсь, что история разберется во всем этом лишь с большим трудом, сэр!

Рис. Л. Генча

— Ну, что же с тобой делать? На тарифно-экономической работе провалился. К оргработе не подходишь. Жалко мне тебя, а придется на культработу перебросить.

Седовласый джентльмен сказал:

— А какая разница, сэр? Кто бы кого ни обокрал, но украденное находится в достойных руках, сэр! Оно не расхищено, а приумножено. Количество безработных, например, за последний год увеличилось на 70 процентов... то-бишь, я хотел сказать...

— Неважно, сэр, что вы хотели сказать, — перебил грустящий джентльмен.—Я сказал бы, конечно, то же самое, и, главное, то же самое сделал бы. Вы правы: разницы никакой. Так что я даже думаю: не перемениться ли нам с вами...

— ... Нам с вами фамилиями?—подхватил седовласый джентльмен.

И оба джентльмена опять подошли к клерку.

— Не могу ли я,—спросил один,—переменить фамилию Болдуин на Макдональд?

— Не могу ли я,—спросил другой,—переменить фамилию Макдональд на Болдуин?

Клерк подумал, вмянул перо и сказал:

— Препятствий, собственно, не встречается. Но, в конце концов, джентльмены, я не могу сообразить, кто из вас кто. Кто консерватор?... Кто лейборист?..

— А какая вам разница?...—удивился один джентльмен.

— Да, какая тут разница?—повторил другой.

Клерк достал бланки, стряхнул с пера лишнюю каплю чернил и сказал:

— Разницы, правда, нет. Никакой разницы, почтенные джентльмены.

Никита Крышкин.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

РАЗВЕСИСТАЯ КЛЮКВА

«Советская мысль», выходящая в В.-Устюге (№ 91), страдая излишней осведомленностью, сообщает:

НОВОСТИ ВКРАТЦЕ

18 апреля открылось сквозное пассажирское и товарное сообщение по морской линии Ростов — Баку, с заходом парохода во все попутные порты.

Вот это действительно новость! Никогда не ожидали!

Мы знаем, что у репортера в запасе много воды, но когда он успеет напустить моря от Ростова до Баку,— одной только «Советской мысли» известно.

ПЛАН РАЗВИТИЯ МОЛОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

МОЛОКА
коровьего

МАСЛА
коровьего

СЫРУ
коровьего

КОЗА:—Товарищи, а я?

ЖИЗНЬ — ОПЫТНЫЙ ДРАМАТУРГ

За сухими параграфами протоколов сплошь и рядом скрывается настоящая житейская драма.

В протоколе РКК при Краснолучском группоме нарпита красуется:

СЛУШАЛИ: заявление работницы столовой № 91 т. Тарасовой о неправомерном увольнении за неподчинение жене зав. столовой.

ПОСТАНОВИЛИ: перевести на работу в столовую при шахте № 152.

— В чем же тут драма? — спросит наивный человек.

Мало ли в чем! Например: все в столовой подчиняются, а Тарасова не может. Нервы у ней, видите ли... Вот вам драма. А профработники из группы разве не драма? Определенно — драма! То-то и оно!

ПАРА НА КОПЕЙКУ

На днепропетровском в де «Спартак» рабочий Гольденберг прожег на работе рубаху и брюки. Он потребовал от администрации возмещения убытка.

Администрация передала дело в РКК. И вот выписка из протокола № 23 РКК от 13/IV-29 г.

СЛУШАЛИ:

заявление рабочего цинковального отделения цыбарочного цеха об оплате за сожженную рубаху и брюки.

ПОСТАНОВИЛИ:

оплатить тов. Гольденбергу за один сожженный рукав сатиновой рубахи один рубль.

Председатель — Рабинович.

Секретарь — Айгеча.

От заводоуправления — Берестов.
от рабочей части — Лейченко.

Эх, вы, головы, головы! За такую голову, когда ее оторвет от туловища, не жалко заплатить грош.

При туловище ей та же красная цена!

ЗАЙЦЕВУ ПОВЕЗЛО

Некоторым личностям самокритика представляется вроде утоплого тела, которое надо оттолкнуть поскорее от берега, чтобы избавиться от различных неприятностей.

Зав. Шуйской окрберкассой т. Зайцев пишет в отчете:

...пункт ж. Самокритика и критика в виду неимения месткома при наличии профуполномоченного особых результатов не дает, а иногда, наоборот, создаются отдельные склоны отношения между аппаратом, что при проведении перестройки профсоюзной сети последней будет учтено.

Беспокойная эта штука — самокритика. Некоторые администраторы, пожалуй, повзвонят хитрому Зайцеву: есть чем отговориться — неимением месткома!

ПРИВЕТ И ОТ «КРОКОДИЛА»

Нам прислана недоставленная открытка на имя путешествующего по СССР тов. Андреева Федора, который занимается, по видимому, некий пост в луганском Дворце труда. Открытка гласит:

Здорово, Федя!

Письмо твое получили, но ты, рассуждай сын, почему не отвечаешь о всех приключениях до Усть-Сысольска?

Пиши, куда тебе писать?

Облигация твои разрешила твоей жинке продать.

Привет от всех — Павло.

В этом письме доблестному обладателю облигаций нам больше всего понравилось выражение «рассуждай сын». Сказано, по видимому, от души и с глубоким знанием человека!

ХРАНИТЕЛИ КЛЮЧЕЙ...

В управлении Вышневолоцких текстильных фабрик однажды пропал арифмометр. Вскоре арифмометр нашлся, но в фабричную администрацию вселилось «святое беспокойство»: а вдруг он вторично и безвозвратно пропадет? А за ним вдруг начнут пропадать пишущие машинки, папки, озонаторы, телефоны... Что останется от управления, спрашивается? Обсудили и постановили:

— В каждом кабинете из числа сотрудников назначить одного ключехранителя.

Сказано — сделано. Таскают теперь вышневолоцкие «Ваньки-ключники» ключи от кабинетов на дом. А сотрудники по утрам в коридорах толпятся в ожидании «ключарей». Хорошо, если только опоздает, а если захворал, скажем? Пока выяснится, торчи столбом у дверей и бакуши бей.

А жутко это все-таки получается, когда администраторы в административный восторг приходят!

СРОЧНОЕ ТРЕБОВАНИЕ

Мыши, оказывается, действуют скверно не только на нервных женщин, но и на мужественных деятелей марийского областного Плодоовощсоюза. Узнав о том, что в районах полевые мыши портят семена и корм, нервные плодоовощные кооператоры прислали сермурскому полеводческому товариществу такую директиву:

«Срочно произведите обследование мышей».

Оторопели в товариществе и... прислали бумажку в «Крокодил»: авось, он выяснит, какое именно обследование мышей необходимо произвести на местах — формулярное или анкетное, именное или анонимное, поголовное или выборочное...

Честно отвечаем. Не знаем, каким образом обследуются мыши. Но очень советуем срочно обследовать марийских плодоовощных «вождей»: не сели ли у них мыши чего-нибудь существенно необходимого для среднего кооператора?

МУДРЕЦЫ ИЗ НАРКОМТОРГА РСФСР

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ наших читателей, что это не выдумка, а самые настоящие факты из «деятельности» наркомторговских мудрецов.

В небольшом городке на побережье Черного моря работники местного Торготдела расторгли явно нелепый договор, который заключила одна из организаций на отправку 11 тысяч центнеров сена с юга на север. Однако, Наркомторг приоткнул ногой, приказал...

— Без рассуждений! Договор оставить в силе!

Работники торготдела недоумевали.

— Вы понимаете чтонибудь, Петр Гаврилович, в этой истории?

— Нет, ничего не понимаю, а вы?

— Положительно ничего не понимаю. Ну, начальству с горы виднее...

Сказано-сделано.

И поехали сено от берегов Черного моря к Белому морю. А в это время там, на далеком севере, с вечными норд-остами, грузилось сено для отправки к берегам Черного моря...

СТРОИТЕЛИ УСТРАИВАЮТСЯ

В тресте «Строитель» МСНХ была чистка. Постановили: снять с работы зав. ОТЭ Эпштейна и управделами Романюка.

1 марта Эпштейна сняли, а 13 марта вышел приказ № 33.

«Тов. Эпштейну предоставляется отпуск с 2 марта по 2 апреля, и с 2 апреля по 28 апреля отгульные дни».

О Романюке приказ вышел только 30 апреля: ему тоже подарили полмесяца отпуска и полмесяца отгульных дней.

Эпштейн и Романюк ухмыляются: «Был бы «Строитель», а устроится всегда можно!»

НОВОЕ ОБ ОПОРТУНИСТАХ

Ленин неоднократно давал весьма неслестные определения оппортунистам. Вся рабочая печать ежедневно рвет в клочья этих опасных врагов революции.

И вдруг, по жалте! В Евпаторийской рабочей библиотеке на доске ответов белым по черному написано:

Оппортунизм — это система ведения дела, опирающегося на умение сообразовываться с обстоятельствами данного момента.

Интересно, кто это в Евпатории «сообразовывается», допуская завезать библиотекой явно непригодное лицо?

НЕЧЕГО СКАЗАТЬ — УСТАНОВОЧКА!

На Садорских рудниках, на Кавказе, большая нехватка электрической энергии.

Администрация приобрела локомотив Вольфа. Заплатила 39 тысяч рублей и на установку убухла более 45 тыс. рублей.

Наконец, установка. Однако не тут-то было. Установка оказалась неправильной. Пришлось еще потратить 15 тысяч рублей.

Электрическая энергия теперь есть. Нет только энергии для того, чтобы отдать под суд головопаясов, ведавших установкой.

Теперь о том, как Наркомторг обвенчал соловецкие сельди. Именно — обвенчал. Обвенчал по всем правилам. Те сельди, о которых идет речь, были отправлены из Архангельска в Москву. Прибыли в Москву, отсюда их отправили в Ленинград.

Подышав ленинградскими туманами и послушав звоны вагонных буферов, сельди вновь отправились в Москву. Затем три раза их обвезли по окружной ветке вокруг Москвы и лишь после этого сельди попали на склады МСПО...

В тесном гастрономическом магазинчике на Красносельской покупатель, оглядев сельди, удивленно смотрел на продавца:

— Ведь это же соловецкая, кажись, вон и по брюшку видать и по духу — она! А стояла эта сельдь — кило рубль семьдесят пять копеек.

— Что ж, стояла рубль семьдесят пять копеек, а теперь — пять рублей двадцать копеек. Провоз вздорожал, — отвечал продавец.

Скажите, дорогие читатели, кто вас удивит после этого более «четкой» работой?

Вас. Игнатьев.

„КРОКОДИЛУ“ НА ЗАКУСКУ

Сегодня подадим в Ростове-на-Дону.

«На Сельмашстрое культработники из рук вон плоха. Все культурные средства уходят на зарплату культработникам», — пишет рабкор Зет.

Что ж, картина для профсоюзной культработы обычная. Даже надоевшая. Один только новый штрих разнообразит примелькавшийся пейзаж на Сельмашстрое: когда денег культработникам на зарплату нехватает, здесь для покрытия претензий продается с торгов культмущество. Так, судебным исполнителем пущена в публичную продажу моторная лодка Осоавиахима, в удовлетворение требований по зарплате П. Макушина.

Вот это да! Посмотреть, как культработники сами себя с'ела, — это действительно ново и оригинально.

★

Тов. Колбасин заведует красным уголком на заводе «Красный Аксай». Как водится, в красном уголке все углы затканы паутиной, а культработой и не пахнет. Колбасин сам об этом сознался на собрании, где заслушали его доклад. Честью сознался и запросил прощения:

— Исправлюсь, братцы, в дальнейшем.

— Ладно, верим, свой парень! — решило собрание и признало работу Колбасина удовлетворительной.

Удовлетворенный Колбасин попрежнему ничего не делает и плюет в потолок. Культработы — ни тпру ни ну, а красный уголок постоянно на замке.

Ну, что с того, что на замке. Зато Колбасин — хороший парень. Недаром его терпят на «Красном Аксае».

★

Ни в одном цехе «Красного Аксая» вы не увидите такого бережного отношения к ударникам, как в агро-механическом.

Здесь все ударники записаны в аккуратной папочке. Папка заперта в канцелярский ящик. Восемь ударных бригад... лежат в папочке. Что же удивительного, что лежат? Ведь они бумажные.

На самом деле, часть из них ушла с завода, некоторые успели умереть, другие по 3—6 месяцев работают в деревне. А в канцелярской папочке они все еще лежат.

Пусть полегает, сердешные. Живые бойцы за индустрию — шумный народ, только неприятности доставляют. А иметь дело с ударниками, лежащими в папке, — одно сплошное удовольствие.

КТО ДЛЯ КОГО?..

В № 10 «Крокодила» в заметке «Земля родная» корреспондент писал о нецелесообразности переезда областных учреждений из Астрахани в Элисту (расходы служащих по поездкам и т. д.).

Каал, обком ВКП(б) разъясняет: переброска учреждений в Элисту сделана, чтобы приблизить их к рыбным промыслам Каал. базара — оживленного центра района. Этот переезд значительно улучшил живое руководство и практическую помощь в работе промыслов.

Недовольны переездом только несколько служащих, которые хотели бы жить в культурной обстановке в Астрахани, игнорируя, во имя личных интересов, интересы обслуживаемого района.

Один из этой кучки недовольных, видимо, и расплакался в жилетку «Крокодилу». Доводы Каал. обкома мы считаем вполне основательными. Жилетку отдали в стирку, а недовольным рекомендуем запомнить, что проще придвинуть канцелярию к промыслам, чем промыслы к канцелярии.

Текст Л. МИТНИЦКОГО

ЗАРАЗНАЯ БОЛЕЗНЬ

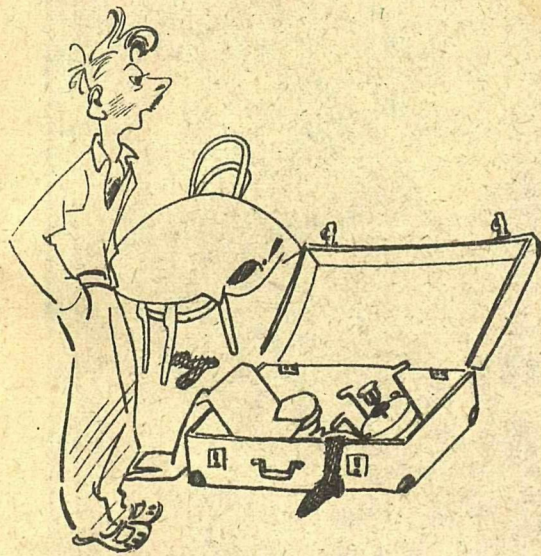
Рис. К. РОТОВА

ДВУПЕРСТНЫЙ — открыл мне дверь неохотно. В его комнате на полу стоял раскрытый чемодан. На стуле лежала подушка, валялись под стулом носки, — типичный пред-отъездный беспорядок.

— В командировку или в отпуск?

Он ответил уклончиво:

— Так, вообще!

... Он прикрывал тайну.

Он неуклюже прикрывал какую-то свою тайну, смотрел в сторону и молчал.

Я ушел.

Встретился я с ним лишь месяца через полтора после его загадочной поездки: Двуперстный осунулся, пыль скуки и усталости лежала на его лице.

— Приехали?

— Приехал.

— А где были? Или — секрет?

— Нет, теперь это уже не секрет, — махнул он рукой. — Нет уж.. Секрет, — пока была надежда, что вот я один облаюбавал глухое местечко для отдыха, этакий заштатный городишко. Этакое безмолвное местечко. Никто о нем не знает, мало кому придет в голову именно туда поехать в отпуск... Держу в секрете, не разглашаю, не разбазытваю. Пусть, думаю, другие едут по проторенной дороге в Кисловодск, Железноводск, в Ялту, Алупку, Мискор, в прославляемый Славянск, в общеизвестные Сочи. А я... я хитрый — я заберусь в какой-нибудь поселочек Малая Шушера или на какую-нибудь

степную станцию Большие Бузотеры, в какой-нибудь заштатный Непейгород. В этакое местечко Сдобное... Мало ли таких местечек!.

— Ну, и что же, забрался?

— Нету, — скорбно отвечал Двуперстный. — Где они теперь, тихие уголки: Вечерняя Тихвинка, Кривой Кут, Красная церковь, Затишье, Кукишевск, Рыбоводск, где они? Нету..

...Был городок Рыбоводск, с фабричкой подле, с торговлишкой внутри. Ничего особенного. Надоела ему будничная эта жизнь. И — раз, два, три — нет больше районного городка на реке Нетечи, нет больше просто Рыбоводска, а есть курорт, здравница, климатическая станция Рыбоводск.

И, пожалуйста, отдыхай здесь, отдыхай до упаду.

Из речки Нетечи воду перекачивают в баки, в баках воду кипятят; разливают ее по бутылкам и — пожалуйста: местный источник. Очень содействует сердцу. Весьма полезен также при склонности к ожирению и худобе.

На базаре цены, конечно, вдвое — по-курортному. В тангулке бывшего Куклева теперь курзал. Там местный драмкружок переименован уже в курортный ансамбль.

Извозчики сидят на козлах красавцами, в стильных армяках, с пером на рыжей папаше фронтального образца; на извозчицкой кляче — лихацкая попона, верх пролетки крыт цветным чехлом.

Везде, и особенно в учреждениях, устанавливаются по-курортному мертвые часы. Приезжие надевают трусики. Сапожники с утра до утра шьют для них казакскую обувь и сандалии. Цыган в череске жарит шашлык по-гусарски. Подростки строят суковатые палочки и выжигают на них: «Рыбовотс. Память з курорту».

Там, глядишь, — семейный кооператив грека Пампулиди поставил уже фанерную будочку с

вывеской «Свой труд», и запахи жареной вафли расплзались по всему городку. Тут, на Проспекте им. народного здравоохранения, установлены «медицинские весы». В отличие от обыкновенных весов, завеситься на них стоит вдвое дороже. Работает во-всю диетстоловая «Примирись». Открыты для приезжих пансионны на свежем масле, гостиница и мебелированные комнаты «Коварство и любовь».

На видном месте в Рыбоводске — экскурсбаза. Советские туристы! Спешите записаться здесь на экскурсии.

Вверх по низовьям Нетечи. Вниз к пустырю, где под пенками деревянного забора гниют дохлые кошки. Здесь, по преданию, останавливался для некой надобности сам Святополк окаянный. Спешите — Рыбоводск с птичьего полета. Восход солнца за городом — научная экскурсия. Экскурсия в бывший городской, а теперь Ботанический сад, с обозрением фикусов в кадках. Загляните в общественные парники, где произрастают:

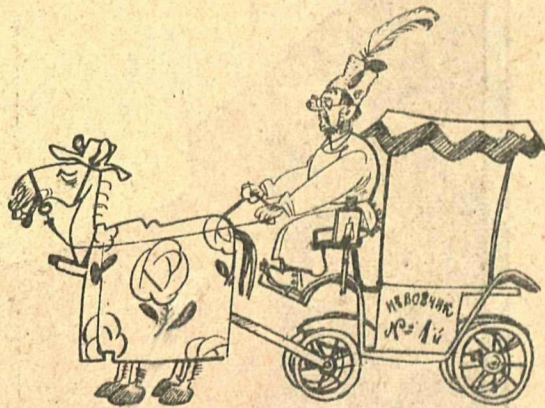
«Лукус весьма обыкновенус»,

«Редисис краснус» и

«Огурциус малосольнус».

— Ну, что еще, — продолжал бедняга Двуперстный, — конечно, курортный сбор с приезжих. В огромном количестве появляются комиссионеры, от приторной вежливости которых можно нажать сахарную болеснь.

Чуть завезаешься, как уж возле тебя вырос руковод из экскурсбазы. За небольшую плату, со скидкой по профсоюзному билету, он расскажет о проклятом прошлом Рыбоводска, о Рыбоводске времен прогнившего царизма. Чистильщики сапог наступают вам на ноги и кричат в ухо: «Почистить». Вас атакуют бродячие фотографы, и зовывают с порога своих мастерских парикмахеры.

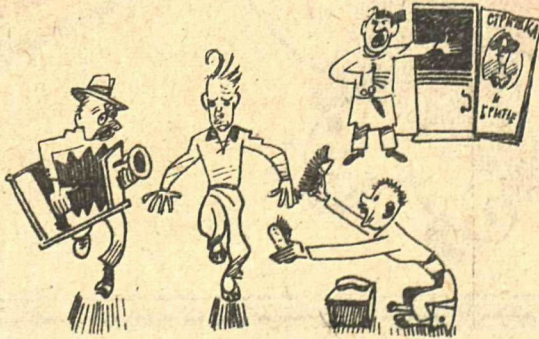

... Сидят на козлах красавцами.

Специально для курортников деревянную рыбноводскую баню переименовали на старости лет в «гидротерапевтическое заведение». Помидоры здесь, безусловно, лечебные. Хлеб — докторский. Доктор — курортный. Открыты новые источники «Крем-сода и Ситро». Специально прибыл в Рыбоводск всемирно известный профессор по всем болезням Сопожко. В Рыбоводске открыто лечение грязями, которыми богат любой районный центр в Союзе... и т. д., и т. д.

...Чего уж говорить: вот-вот она, раскрытая тайна! — надсаживался Двуперстный, — вот она заразная курортная эпидемия. Теперь уж так и знайте — и Непейгород курорт, и Шушера курорт, и станция Большие Бузотеры не просто теперь станция, а станция Климатическая. Конечно! Что держать теперь в секрете? От кого? И куда мне на будущий год ехать? Какие еще тихие места уцелели от курортномании? Нету таких мест, нету больше... Не-ету-у!!

Сутулась, ушел он по шумным улицам нашего областного города, который, как это ни странно, пока еще не курорт.

... Атакуют бродячие фотографы.

Рис. Ю. Ганфа

— Поправьте мне эту индийскую жемчужину. Очень шатается. Боюсь, как бы совсем не выпала.

Текст ЭМИЛЯ КРОТКОГО

ПЕРВЫЕ поезда по Турксибу были не любят), паровозы, рельсы — сло-
гружены не сибирским хлебом и вом все то, что можно с успехом за-
не узбекистанским хлопком, а.. снить, не выезжая из Москвы.

«нашими собственными корреспондентами».

Высокосортный груз этот, как водитсь, не был лишен примеси. Примесь, впрочем, была тоже высокосортная: беллетристы и поэты.

Поэтическая фантазия, как полагається, обгоняла скорый поезд. За 167 километров до станции Арысы лирический поэт уже читал товарищам по купе стихи о ней. Стихи были безыдейные, но нечеткость идеологической установки вполне искупалась оригинальностью рифм:

И поезд мелкой рысью
Проходит пред Арысью.

Поэт сатирический оставался верен своему призванию. Он упорно не поддавался очарованию азиатского пейзажа, находя в нем одни только недостатки.

— Ни одного здорового верблюда! — брызжал он, — все — горбатые!

Беллетристы, конечно, оказались более вдумчивыми. Они наблюдали, записывали и даже за обедом то и знай меняли вилку на карандаш.

«Собственным» было не до наблюдений. Они действовали.

«Их собственные» (я говорю об иностранцах) налегали больше на фотографию. Снимали главным образом юрты и (европейские газеты любят экзотику!) верблюдов и ослов. Верблюды с достоинством позировали. Какой верблюд не хочет попасть на страницы «Таймса»!

«Наши собственные» снимали гораздо меньше. Снимали кооперативные ларьки (наши газеты экзотики

Телеграфировать из Москвы о Турксибе было бы, конечно, значительно трудней. Корреспондент пред-

.. И поезд легкой рысью
Проходит пред Арысью.

вечерней газеты обошел эту трудность, посылая первую телеграмму из Коломны.

«В преддверье Азии».. нечиналась эта телеграмма. Дальше шли сухие факты. За точность их ручался полуофициальный справочник.

За Оренбургом телеграммы стали принимать явно азиатскую окраску.

— Байга, карайга, — подсчитывал слова телеграфист, — саксаул, каракурт.

И, возвращая телеграмму, добавлял:

— В Кызл-Орде подадите. У нас латинского шрифта нет.

33 собкора коллективно негодовали. Колоннадов, общепризнанный король разведных корреспондентов, жаждал необыкновенного. От обыкновенных телеграмм он отказался уже в Актюбинске.

— Срочная! — ехидно сказал он, просовывая в окошечко тринадцать мелко исписанных редакционных бланков и предвкусная 32 неприятности, которые он, в общей сложности, причинил своим коллегам.

— Итого тридцать три, — констатировал телеграфист, приобщая телеграмму к объемистой пачке срочных.

Колоннадов стал мрачен, как туча над вершинами Ала-Тау.

На станции Аральском море туча развилась телеграммой-молнией. Увы! — и тут гроза пришла слишком поздно. Это была 33-я «молния» при ясной погоде.

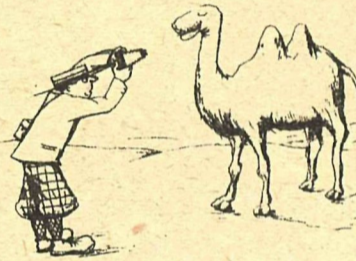
Колоннадов стал желт, как пески Кара-Кума.

— Какие еще телеграммы бывают? — допытывался он у телеграфиста в Аулиз-Ате. — Ну, обыкновенные, ну, срочные, ну, молнии. А после? После молнии — что?

— После молнии — гром! — ответил телеграфист и со стуком захлопнул окошко.

Телеграфисты изнемогали. Станционные Морзе заносило песками и депешами.

Вагранка, выдержанный сотрудник выдержанной профсоюзной газеты, упорно не поддавался общему безумию.

.. Верблюды с достоинством
позировали.

— Желтизна все это, — говорил он убежденно. — Американцы телеграфируют, так и мы должны? Подумаешь! Я вот шесть телеграмм сегодня настроил, а ни одной не отправил. Надо же понимать!..

И, махнув рукой на пустыню, он шел в вагон-ресторан пить Ессенгуки № 20.

— Верблюд! — кричал ему в догонку Колоннадов. Кара-курт несчастный! Ведь это же исторический момент. Весь Союз наших телеграмм ждет... Европа... Америка... Воображаю, что сейчас в моей редакции происходит!

А в редакции происходило вот что. — Чудак этот Колоннадов, — мрач-

но говорил редактор, — молнии за молнией шлет. Не человек, а какое-то сплошное «люблю грозу в начале мая».

Редактор газеты грозы явно не любил. В этом Колоннадов убедился, развернув на станции Или первый дошедший до него номер своей газеты.

Газета была такой, как всегда. О Турксибе напоминала только скромная телеграмка Роста, затерявшаяся в будничном материале, как станция Или в песках.

— Позор! — крикнул Колоннадов и задрожал, как человек, укушенный малярийным тигром. — Тысячу раз позор!

Пустыня делала его негодование билейски величественным.

Вагранку, однако, разжалобить было не так-то легко.

— Я же говорил, — торжествовал он. — Ясно же было, что все это желтизна!

— Верблюд! — зарычал Колоннадов, театрально потрясая кулаками. — Кара-курт несчастный! Что — желтизна? Исторический момент — желтизна? Железная дорога в пустыне — желтизна? Что желтизна, я тебя спрашиваю?!

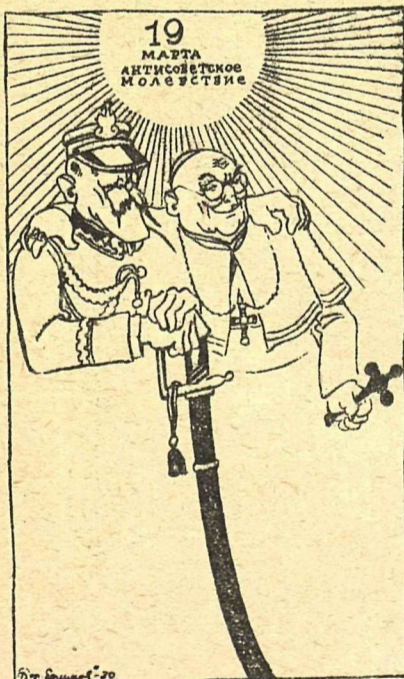
— Все — желтизна! — спокойно и убежденно сказал Вагранка. — Исторический — желтизна. Момент — желтизна. Пустыня — желтизна.

В последнем он был, пожалуй, прав. Песчаная пустыня была, действительно, желта, как желтая пресса.

.. Позор! — крикнул Колоннадов и задрожал, как человек, укушенный малярийным тигром.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

На этом рис. Бор. Ефимова в „Известиях ЦИК“ у папы и Пилсудского вместе 5 (пять) рук. Просим читателей разгадать, кому принадлежит пятая рука. Наиболее интересные ответы будут опубликованы.

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ

РЕШЕТОМ ЧЕРПАЮТ ВОДУ

Наш сотрудник, известный бюрократ Савелий Октябрьев, с № 13 «Крокодила» выдвинул проект об упорядочении энтузиазма. В нем, наряду с другими мероприятиями, предлагается ввести единообразную форму отчетности, точный поквартальный учет лиц, охваченных энтузиазмом социалистического соревнования и пр.

Этот проект Савелия Октябрьева не преминул использовать зам. правления Славгородского окрколовосоюза (Сибкрай)—Попов.

Вот, что он пишет по союзам:

В продолжение не более 48 часов по телефону соберите сведения от районов о соцсоревновании, заострив особенно внимание на следующих моментах:

О сколько колхозов охвачено соцсоревнованием колхоза с колхозом и сколько внутри колхозов?

Конкретные причины, по которым колхозы не втянуты в соцсоревнование?

По каким вопросам конкретно соревнуются колхозы?

Какие призы назначаются одержавшей неверностью стороне колхозу, бригаде, группе и т. д.?

Конкретные достижения от соцсоревнования? И т. д.

На последний вопрос можно ответить, никого не запрашивая, никуда не звоня по телефону: никаких достижений нет. Иначе и быть не могло: весь энтузиазм без остатка израсходован на ответы по анкете. На достижения его нехватало.

ЛИКБЕЗНОЕ

Чердынский пивной склад опубликовал в местной газете ряд безграмотных объявлений, одно другого хлеще.

Наконец, недавно появилось последнее:

Чердынский пивсклад Вятки-детрестя, в виду его ликвидации, лиц, имеющих к таковому пре-

тении, должны заявить до 21 числа. После означенного числа претензии приниматься не будут.

Мы пропустили означенное число! Поэтому свою претензию направляем чердынским ликвидаторам безграмотности. Как же это вы, товарищи? Оно хотя и пивсклад, но получается не совсем складно!

ДУЛИ МАЛО, А НАДУЛИ ПОРЯДОЧНО

Если вам скажут, что заводы «Мосторга» в Рагаз» выполняют свой промфинплан, не верьте ушам своим.

Заказ 2-го завода газа на кислород они выполнили полностью, если считать по количеству баллонов. Но оказывается, что в каждый баллон газ наддувался всего только до 120 — 130 атмосфер, вместо 150.

Так вот, иногда, промфинплан, выполненный на словах, может превратиться на деле в сплошное надувательство.

АРХИВ
26 ИЮН 1930
Г. Ц. К. ДОТОНЕ ЗА „ДЛИННЫМ“ РУБЛЕМ

27734 ✓

36

Рис. А. Топикова

20/11

Известное дело, шмели. Им бы только сок собрать, а меду от них ни капли.